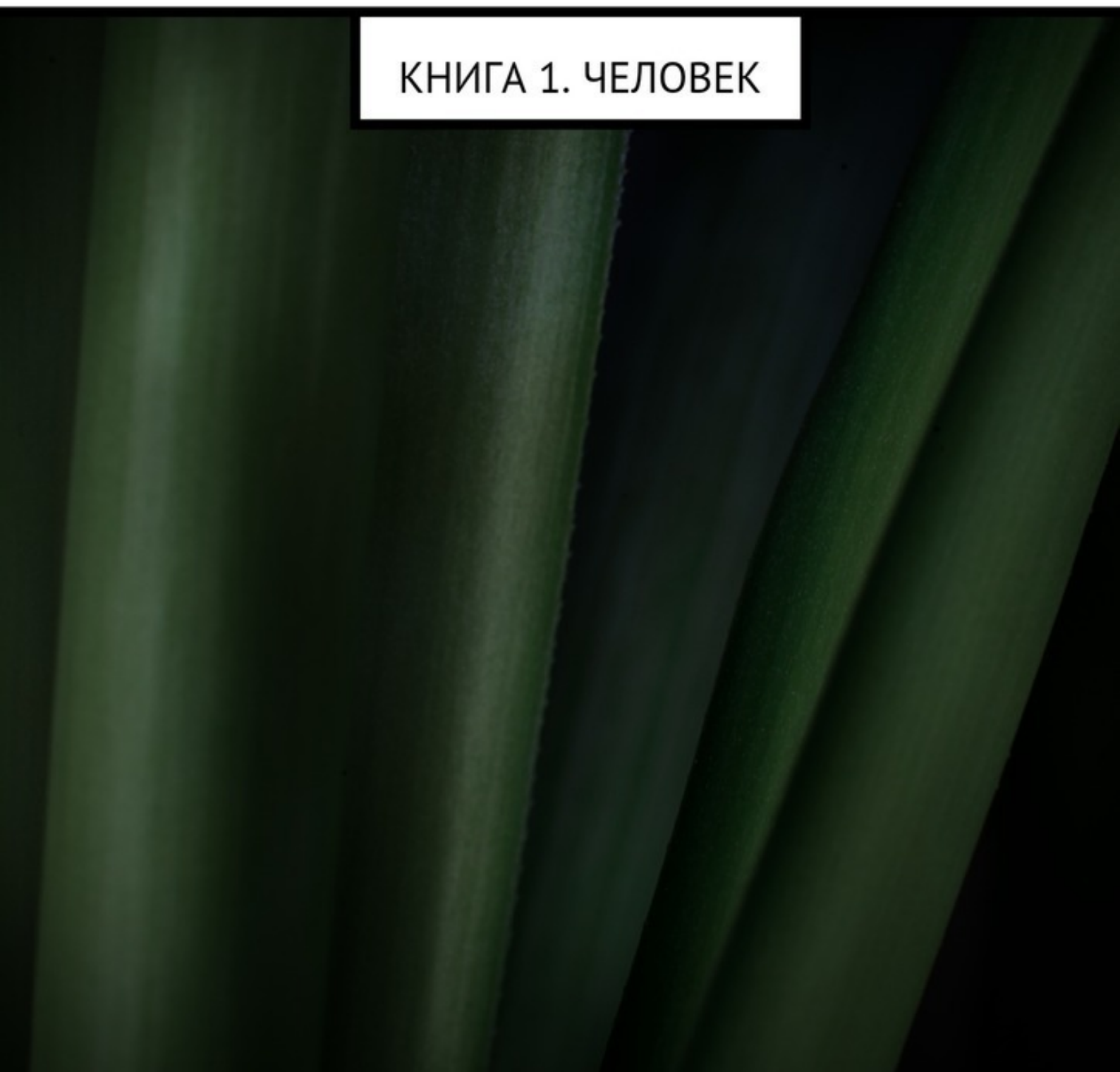

ОЛЕГ ДУЛИН

Река жизни русло не меняет

КНИГА 1. ЧЕЛОВЕК

Олег Дулин

**Река жизни русло
не меняет. Книга 1. Человек**

«Издательские решения»

Дулин О. Д.

Река жизни русло не меняет. Книга 1. Человек / О. Д. Дулин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835815-9

Цель этих книг — показать изнутри протестантов, в частности пятидесятников, для многих людей, чтобы стать им более понятными и доступными. В первой книге в детективно-приключенческом жанре показан путь главного героя к Богу. Вторая книга рассказывает о любви Бога к человеку. Господь любит нас, несмотря на наши ошибки и грехи. Он понимает и принимает нас такими, какие мы есть в действительности.

ISBN 978-5-44-835815-9

© Дулин О. Д.
© Издательские решения

Река жизни русло не меняет

Книга 1. Человек

Олег Дмитриевич Дулин

...вся праведность наша – как запачканная одежда...

Исаия 64:6

© Олег Дмитриевич Дулин, 2016

© Александр Леонидович Домород, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-5815-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Тихо напевая любимый шлягер, Даша вставила ключ в замок, который привычно щелкнул, и дверь открылась. Она вошла в прихожую своей квартиры. Сняла пальто, сапоги, сунула ноги в удобные домашние тапочки и прошла в зал, а сумку оставила висеть на ручке шкафа.

Вдруг, холодея от страха, она почувствовала, что в квартире находится не одна...

– Дарья Сергеевна, не пугайтесь, – услышала она тихий и, как ей показалось, очень усталый мужской голос.

Из спальни вышел мужчина лет тридцати пяти, невысокий. Если бы ей нужно было его описать, то она сделала бы это тремя словами: «средний во всем». Он был одет в темно-фиолетовую рубашку и темные джинсы. Все это промелькнуло у Даши в голове за одно мгновение. От мужчины не исходила угроза, скорее – усталость. Обращаясь к ней, он сделал два шага по прихожей к залу, тем самым преградив ей путь к входной двери.

– Кто вы?.. И что вам нужно у меня дома?.. Уходите немедленно! – Даша говорила все громче и громче. Страх стал отступать, давая место возмущению и гневу: – Или я буду кричать!

– Вы и так уже почти кричите, – незнакомец чуть пошатнулся и сощурился, словно от боли, коснувшись плечом шкафа.

– Кричать не надо, иначе мне придется применить силу, а мне бы этого не хотелось. Вы же понимаете, если я сумел попасть в квартиру без вашей помощи, значит, я кое-что могу. Вы спросили кто я такой – зовите меня Аристарх.

– В таком случае я буду Пенелопой, – съязвила хозяйка, довольно симпатичная в свои двадцать шесть лет девушка. Черты лица у нее были правильными, серо-голубые глаза – большими, и только чуть вздернутый носик придавал ей какую-то ребячливость.

– Если Вы в такой ситуации способны шутить, то дело не так уж плохо. Я готовился к худшей реакции. А Пенелопа, вообще-то, – жена Одиссея. Теперь отвечаю на второй ваш вопрос. Нужно мне немного – всего лишь побыть в вашей квартире дня два.

У Даши перехватило дыхание от возмущения:

– Что? Да с какой стати?!

– Я думаю, это лучший вариант для нас обоих, – сказал мужчина, назвавшийся Аристархом, – я не причиню вам зла, но мне надо пожить у вас пару дней.

– А почему только пару? Может, вы переберетесь сюда насовсем?! – в ней опять стала закипать злость.

– Я с Вами не прочь подискутировать, но позже. Мне необходимо сделать перевязку, я ранен.

– Уж не хотите ли Вы чтобы я это вам сделала? – в Дашином голосе звучал сарказм, но в то же время промелькнуло и сострадание. – Вы что, бандит?

Незнакомец усмехнулся:

– У нас впереди два дня под одной крышей и по возможности я удовлетворю ваше любопытство. А сейчас, извините, дайте свой мобильный, – и он протянул руку.

– Он у меня в сумке.

– Он один у вас?

– Есть еще старый, но он без симки, да и батарея не заряжена.

Пока Даша это говорила, незнакомец пристально смотрел ей в глаза, пытаясь определить правду ли она говорит. Затем он прошел в прихожую, закрыл дверь на цепочку и щелкнул вторым навесным замком.

– Вы что, хотите здесь держать оборону? – спросила она с усмешкой.

Улыбнулся в ответ и он:

– Я опасюсь больше нападения не извне, а бегства изнутри.

Сказав это мужчина нашел в ее сумке мобильный телефон и, выключив его, положил себе в карман джинсов. Затем убедился, что второго телефона в сумке нет.

– Дарья Сергеевна, вы проходите в зал, я постараюсь не стеснять вас насколько это возможно в нашей ситуации.

– А откуда вы знаете мое имя-отчество? – спросила Даша, чувствуя, как внутри растет волна негодования.

– Я провел часа полтора в квартире. Успел просмотреть документы.

Даша хотела сказать какую-нибудь дерзость, но воздержалась. В этом незнакомце все ее раздражало и вызывало антипатию. Она по его милости находилась в глупейшем положении: стала заложницей в собственной квартире. Почему-то ее злила его старомодная манера обращения к ней по имени-отчеству. «Зовите меня Аристарх, – мысленно передразнила она его. – Просто издевательство какое-то!» Однако кроме раздражения, у нее в душе появилось еще одно едва уловимое чувство: какое-то щемящее и жалостное. «Идиот», – обозвала она его в сердцах, но опять-таки, про себя, не в слух. Даша прошла в зал и включила телевизор. Шла очередная передача о закулисной жизни звезд экрана: музыкантов, артистов, спортсменов и кого-то там еще. Кто на ком женился, а потом развелся, кто как и с кем кому изменял... Такие передачи Даша не любила – выворачивают наизнанку личную жизнь «звезд», что в этом интересного? Какое-то убожество. Но показывают, значит, это кому-то нравится. Она уставилась в телевизор, незаметно поглядывая на непрошеного гостя.

А он сел ближе к двери в кресло, рядом на журнальный столик положил пакет с медикаментами, которые, очевидно, принес с собой. Не спеша расстегнул рубашку, затем, сняв ее, остался в светлой футболке. Закатал короткий левый рукав под которым оказалась окровавленная повязка.

– У вас есть ножницы?

– Есть, конечно.

– Дайте, пожалуйста, – попросил мужчина.

– Они в спальне, – ответила Даша, не отводя взгляда от телевизора.

– Дайте их, пожалуйста, – попросил он снова и встал.

Когда Даша поднялась, он впереди ее вышел в прихожую и загородил собой входную дверь, но проход в спальню оставил свободным. В его движениях и манере говорить – чувствовались уверенность, осторожность и самообладание. Всем своим видом он как бы говорил: «Я знаю, чего хочу, и как я это сделаю». И чувствовалось, что так оно и будет. Это сильно злило Дашу. Похоже, этот тип чувствовал себя хозяином не только положения, но и ее квартиры! Ей хотелось вырваться не только, для того чтобы выбраться на свободу, но еще и чтобы досадить ему, вывести его из себя.

Как бы читая ее мысли он устало сказал:

– Не пытайтесь бежать, Дарья Сергеевна, мне бы очень и очень не хотелось применять к вам силу.

– Почему я должна бежать из собственного дома? – сказала она раздраженно, протягивая ему ножницы.

Вернувшись в зал, Аристарх сел в кресло и, осторожно надрезав повязку, стал разматывать бинт. Даша украдкой поглядывала на него. Использованный бинт он положил в заранее приготовленный небольшой пакет.

– Это что, огнестрельное ранение?

– Да.

– Так все-таки вы бандит?

Незнакомец молча и довольно ловко обрабатывал рану, наконец, он наложил тампон с какой-то мазью и попытался закрепить его бинтом, но тот не слушался, а все спадал с руки.

– Может, вам помочь, господин бандит? – предложила хозяйка с иронической усмешкой.

– Помогите, только в бандиты вы меня зря записали, – и он подставил руку для перевязки.

Склонившись над ним, Даша стала обматывать руку бинтом. Вырез платья был как раз на уровне его глаз. Платье соблазнительно отлегло от тела, но в вырез он не заглянул. Это Дашу слегка задело, но потом она быстро нашла оправдание такому поведению мужчины: «В его положении только об этом и заботиться». Глянув ему за спину, Даша увидела вороненую рукоять пистолета. «А мужичок действительно серьезный», – подумала она. Когда с перевязкой было покончено, мужчина надел рубашку, и, чтобы заправить ее в брюки, повернулся к Даше спиной.

«Стесняется», – промелькнуло у нее в голове

Даша присела на внушительный диван напротив телевизора, который она выключила, а «гость» опять сел в кресло. Два кресла и диван были из одного набора. Она купила его не так давно: всего каких-то полгода назад. Финансово пришлось поднапрячься, но комната стала заметно уютней. Между креслами поместился небольшой журнальный столик: темно-коричневый, в тон мебели. Дальше, в самом углу, стоял телевизор – не самый современный, но еще вполне работоспособный. Почти вся наружная стена комнаты представляла собой огромное окно с дверью на балкон. В углу напротив телевизора стоял большой вазон с китайской розой. Этим пышным комнатным растением гордилась еще Дашина мама, а сейчас роза еще больше разрослась. Раз в год она удивительно красиво цвела. Ее насыщенно бордовые цветы особенно выделялись на фоне обоев розоватого оттенка. Вся комната преображалась в это время. У Даши всегда приподнималось настроение, когда она видела, как цветет роза. Вдоль противоположной балкону стены стоял набор корпусной мебели, называемый запросто «стенкой». Не любившая хрустали и чайных сервизов на полках, как будто на витринах магазинов, Даша заставила большинство полок книгами. В самом центре стенки стояли разные сувениры, Дашина фотография в рамке, фото сестры Зои с семьей, а чуть в стороне находилась фотография мамы и папы. Там на фото они смеялись и смотрели на Дашу, как тогда, когда были еще живы... Между диваном и стенкой было неожиданно пусто.

– Здесь явно не хватает хорошей статуэтки в рост человека или какого-либо декоративного столика с цветами, – сказал незнакомец, выводя ее из грустных воспоминаний о родителях.

– Не вы первый мне это говорите, – буркнула Даша.

Затем вопросительно посмотрела на него. За час с небольшим, который они провели вместе, напряжение в их отношениях несколько спало.

Перехватив ее вопросительный взгляд, Аристарх начал некое объяснение:

– Итак, о бандитах... Кого вы обычно называете этим словом? – он вопросительно посмотрел на нее, ожидая ответа. – Бандит это...

– Тот, кто врывается к тебе в дом и берет тебя в заложники, – выпалила Даша.

– Да, с определениями у вас не блестяще, Дарья Сергеевна. В заложники я вас не брал, просто попросил подселения на два выходных дня и вы не устояли перед моим обаянием, – он говорил в шутку, но как грустны были его глаза!

– Хамить изволите? – оборвала его Даша, а про себя подумала, что если признаться честно, то его обаяние действительно начало ощущаться.

– Я не в таком положении, чтобы еще и хамить. Ну так вот, по общепринятому мнению бандит – это тот, кто с помощью силы отбирает чужое.

– Или ворует, – вставила реплику Даша.

– Если ворует, то это вор, а не бандит, – с назидательными нотками закончил гость. «Гость». Так его окрестила хозяйка про себя. Только гость непрошенный.

– Знаете, как вас там... Аристарх, я вообще-то пришла с работы и достаточно сильно проголодалась, на ужин у меня только полпачки пельменей, которой с вами я делиться не собираюсь. Конечно, это не характеризует меня как радушную и хлебосольную хозяйку, но и вы, согласитесь, гость непрошенный... К тому же вы сказали о двух днях, которые нам придется провести вместе. Мы что будем поститься все это время?

Гость ее слушал молча, было видно, что он думает о чем-то своем.

– Еды в холодильнике полно, хватит на пять дней нам обоим, – ответил он равнодушно и затем спросил: – Вам никто не должен позвонить?

– Да вроде нет, – пожала плечами Даша.

Она встала и пошла на кухню. За нею двинулся и он, отключив попутно в прихожей домашний телефон.

«Бойтся, что сдам его», – мелькнула у нее мысль.

Конечно, это была перестраховка со стороны непрошенного гостя. Чтобы открыть оба замка, закрытых каждый на два оборота, а затем снять цепочку и открыть дверь понадобилось бы не меньше восьми секунд, за это время добежать до двери можно из любой точки квартиры. Идя на кухню, Аристарх разглядывал ее со спины, Даша это чувствовала и шла своим обычным грациозным шагом. В детстве, а потом и в юности, она целых шесть лет занималась художественной гимнастикой. Особых результатов не достигла, дотянула только до кандидата в мастера спорта, но в движениях остались грация и пластика, приобретенные на тренировках и выступлениях. Сейчас ей об этом иногда подруги напоминают, а когда жива была мама, то она постоянно восхищалась дочерью, ее фигурой и пластикой движений. Ростом Даша была невысокая, но на улице мужчины на нее часто поглядывают, а иногда и оборачиваются, и она уже привыкла и научилась не придавать этому значения, хотя, конечно, ей это было приятно. Ее стройная, ладная фигура – результат не только гимнастических упражнений, но и «наследство» от родителей. Один скульптор античности сказал: «Скульптуру создать нетрудно: надо взять глыбу мрамора и отсечь все лишнее». У Даши так и было: ничего лишнего.

Открыв холодильник, Даша изумилась. Там было много еды, причем, самой разнообразной. Небольшими кусочками, по 250—300 грамм, но зато несколько сортов копченой и сыровяленой колбасы, а так же ветчины разных видов, а так же кусок мяса в вакуумной упаковке. На нижней полке лежали полуфабрикаты: котлеты и в пластмассовом ведерке, мясо для шашлыков. Была в холодильнике и рыба копченая и вяленая. Все продукты – высшего сорта и, вероятно, очень дорогие. «Не меньше ста долларов потратил», – решила про себя Даша.

– Вы, наверное, хотели меня удивить этими изысками, но я люблю тушенную курицу, а ее нет...

Она даже засмеялась негромко, как бы говоря: «Вот какой ты растяпа! – и еще: – Всего предусмотреть нельзя». Улыбнулся и Аристарх, но как-то невесело.

– Я купил замороженную курицу, она в морозильнике.

Даша даже разозлилась – и от своего глупого смеха, но еще более от того, что он так и не попал впросак.

– Вы всегда такой нудный, Аристарх?

– Это уже судить не мне, а окружающим.

Все-таки Даше хотелось его уязвить, хоть как-то разрушить эту его снобистскую невозмутимость.

– Я вам готовить не буду, – заявила она, ожидая, что теперь-то он занервничает.

– Хорошо, тогда позвольте я вас угощу.

Даша сидела спиной к окну и наблюдала, как Аристарх довольно ловко готовил. Раненой рукой он также помогал себе, очевидно, она его не сильно беспокоила, во всяком случае, он не дергался от боли. Вот он нарезал соломкой ветчину, обжарил ее, потом разбил в миску яйца, взболтал их с молоком.

– А у вас есть мука? Желательно высшего сорта.

– Да, в этом столе, на нижней полке, – ответила Даша, продолжая за ним наблюдать. По его ловким движениям было видно, что готовить он умел и, наверное, любил.

– Может, вы подрабатываете поваром? – съехидничала она только для того, чтобы нарушить затянувшееся молчание. Аристарх же увлекся стряпней, молчание его совершенно не тяготило.

– Нет, не подрабатывал, хотя готовить умею с детства. Нас в семье было трое, я старший. Часто приходилось присматривать за младшими, ну и, конечно, заниматься приготовлением пищи, кормить... Да и сейчас под настроение люблю покухарить.

– А жена что, не любит готовить? – спросила Даша просто так, чтобы поддержать разговор.

При упоминании о жене глаза у непрошенного гостя затянуло легкой поволокой, сильно заходили желваки под кожей, он медленно и глубоко вздохнул.

– Давайте ужинать, – он поставил тарелки, положил в них омлет и нанес сверху несколько полосок кетчупа и еще несколько, на крест, майонезом. По краям положил тонкие ломтики свежих помидор, а между ними кусочки соленого огурца. Получилось и красиво, и аппетитно. Затем он тонко нарезал белого и черного хлеба. Положил ножи, вилки и спокойно сказал:

– Прошу.

Даша пожала плечами, но к столу под села, она на самом деле сильно проголодалась. Шутка ли, так перенервничать! А перед этим был еще и длинный рабочий день...

Аристарх ел не спеша, глядя в основном в тарелку. Даша, несмотря на голод, так же ела не торопясь, с достоинством. Она никак не могла определить линию своего поведения в этой необычной ситуации и от этого нервничала.

– А вы и вправду вкусно готовите, спасибо! Вам сварить кофе или вы предпочитаете чай? – спросила она. – За ужин, я напою вас по-царски. У меня осталось немного коньяка «Наполеон», если его чуточку добавить в кофе – получается очень вкусно. Хотите попробовать?

– С удовольствием, но потом. После еды я предпочитаю чай. Если можно, зеленый.

– Есть с ароматом жасмина и с ароматом земляники.

– А без добавок, просто зеленый чай, есть?

– Да, конечно. Это у меня от мамы такое пристрастие к чаю. Хотя папа больше любил кофе.

Аристарх слушал ее, прислонившись всем телом к стене. Глаза его были прикрыты. Со стороны казалось, что он дремлет, лицо было спокойным.

– Вы, может, спать хотите, Аристарх? – спросила хозяйка.

– Хочу, но не сильно, – ответил он просто.

Даша разлила чай, достала с верхней полки коробку конфет, поставила сахар. Конфеты ей подарили на день рождения на работе. Работала она в заводском управлении большого нефтехимического объединения. Зарплата была не то что бы большая, но ей одной хватало, даже иногда помогала своей старшей сестре, которая переехала в областной центр по распределению из столичного ВУЗа, там и замуж вышла. Сейчас у нее уже двое детей. И они постоянно нуждались в деньгах. Даша не завидовала старшей сестре. Уж очень у них семейная жизнь была будничной и обыденной – не хватало песни, полета. Ведь и без новых, красивых и дорогих вещей, которые они часто покупали, можно радоваться жизни. А они купят хорошую вещь, пусть и красивую, а потом экономят на всем, занимают. Хотя и старая вещь, которую они заменили новой, могла бы еще послужить. Когда Зое на это указывали, она часто говорила: «Я что, недостойна нового телевизора, холодильника, спального гарнитура и т. д.?» Даша отвечала, что достойна, а про себя думала: «Я, может, достойна быть королевой, да что-то никто не коронует». Но когда она намекала Зое, что не в этом смысл жизни, то сестра сразу начинала злиться, и они переходили на другие темы, чтобы не поссориться...

Чай пили молча. За окном уже стемнело. Осень не часто балует хорошей погодой, а тем более поздняя, но в этом году погода на удивление была приятной, а ведь ноябрь уже был на исходе. Уже несколько раз по ночам был мороз, но утром неостывшее осеннее солнце прогоняло его, и он, как бы стыдясь за то, что спешит, отступал.

– Погода у вас в Белоруссии прямо на зависть – сухо, солнечно, как будто и не глубокая осень на дворе. В Москве выпадали солнечные дни, но и дождей так же хватало, – сказал Аристарх, выпив свой чай.

– Так, стало быть, вы из Москвы?

– Да, последние семнадцать лет жил там.

Даша убрала со стола и начала мыть посуду. И тут ей пришла в голову мысль: «А ведь я веду себя как хозяйка, а не как заложница».

Аристарх, словно прочитав ее мысли, заметил:

– А вам радушие гораздо больше к лицу, чем язвительность.

– Вы же говорили о вашем обаянии – вот оно и действует.

В ответ гость улыбнулся:

– Помните, как в поэме Пушкина «Руслан и Людмила», когда Людмила была в плену у Черномора и ее всячески угощали, ублажали и музыкой, и роскошью, а она твердила: «Не буду есть, не буду слушать», а затем по тексту: «...подумала и стала кушать».

– Вы любите Пушкина? – спросила Даша.

– Люблю, но Лермонтов мне больше по душе, ближе как-то.

– То есть грусть, романтизм, одиночество, – для себя Даша определяла поэзию Лермонтова этими тремя словами.

В ответ Аристарх продекламировал:

Выхожу один я на дорогу
Сквозь туман кремнистый путь блестит
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу

И звезда с звездою говорит.

– Да, какая-то грусть в его поэзии присутствует, и от того, что эта грусть неразделенная, становится еще грустней, – согласился он с Дашей.

– По всему заметно, что с вами недавно произошло какое-то горе? – Даше хотелось разговаривать гостя.

– А что случилось с вашими родителями? – перевел разговор Аристарх в другое русло.

Этот вопрос, словно открыл дверь в Дашино прошлое. Ей вспомнилось детство, еще когда они жили в малосемейном общежитии, где были длинные коридоры, именно там по вечерам собирались дети и играли. Иногда даже на велосипедах ездили. Вот Вовка из соседнего блока ухитрился на двухколесном велосипеде так разогнаться, что не справился с управлением и врезался в ведро с грязной водой, которое почему-то оставила уборщица тетя Света, когда днем мыла полы. Как тогда испугался Вовка, с головы до ног забрызганный этой водой! Он кинулся ее убирать. Вышла Дашина мама и Вовкина – вместе они быстро убрали воду в коридоре. Как после Вовкина мама ругала сына, и казалось, что этот ее выговор помогает Вовке справиться со своим собственным испугом. Как потом, сидя за чаем, Дашины и Вовкины родители, перебивая друг друга, рассказывали эту историю с опрокинутым ведром и смеялись.

Через некоторое время Дашина семья получила эту квартиру. Мама все рассчитывала на трехкомнатную. Она побуждала отца найти какой-то выход, какую-то возможность для получения именно трехкомнатной квартиры. Папа старался что-то предпринять или делал вид, что старается, но им все равно выделили двухкомнатную. Как потом жили с сестрой в одной комнате, а родители в другой, которая одновременно служила и залом, и гостиной. Затем, когда Даша перешла в шестой класс, Зоя поступила минский ВУЗ и после его окончания по распределению переехала в Витебск экономистом на довольно крупное госпредприятие. Даша слышала, что о сестре отзываются как о неплохом специалисте, и при их встречах Зоя это неоднократно подчеркивала. Но Даша всегда этому удивлялась: как можно быть хорошим экономистом на предприятии, а свой семейный бюджет не уметь правильно распределить. Вспомнилось, как она обустроилась одна в их с сестрой комнате. Расставила все так, как считала удобным и красивым. Мама кое-что советовала, но, в принципе, предоставила дочери полную свободу. Когда уже все было расставлено, зашел папа, осмотрел все придирчиво и сказал только два слова:

– Да... молодец!

Папа не часто ее хвалил, но какой радостью в ее сердце отзывалась каждая его похвала. Мама с папой жили, как принято говорить, не плохо. Ссорились не часто и выясняли отношения в отсутствие дочерей. Но Даша научилась чувствовать с детства, когда они были в ссоре. При этом ей и самой было не по себе. Родители разговаривали друг с другом, что-то решали, но при этом не так, как обычно, а натянуто, как бы через силу. Затем они мирились или просто их ссора уходила в никуда, и все становилось на свои места. При этом легче на душе становилось и Даше. Жизнь шла своим чередом, однажды, когда она была дома одна, раздался телефонный звонок:

– Адрес: Солнечная, 27, кв. 46 – это ваш? – спросил кто-то каким-то обиденным тоном.

– Да.

– Сорокин Сергей Иванович и Сорокина Инна Васильевна вам кем приходятся? – продолжал допытываться незнакомец.

– Это мои мама и папа, – она ответила, чувствуя как внутри пробежал жуткий холодок.

– Боюсь, у меня для вас плохая новость, – сообщил голос. Чувствовалось, что говорить ему крайне неприятно, но говорить необходимо и также ощущалась растерянность, которую, прилагая усилие, обладатель голоса пытался скрыть.

– Что случилось? – прошептала она в трубку телефона. Новость хотелось как можно быстрее услышать, но предчувствие Даше говорило, что это разорвет ее сердце.

– Ваши родители попали в автокатастрофу, – голос говорил негромко, Даша понимала, что он, тот человек на другом конце провода, изо всех сил пытается как-то смягчить известие, но оно настолько ужасно, что не смягчается. И тем не менее обрушившееся горе не заглушило в ней мимолетную благодарность тому человеку, которая промелькнула у нее в сознании.

А голос продолжал, – врезались в КАМАЗ, который выехал на встречную полосу. Ваш папа скончался на месте, мама находится в реанимации. Приезжайте в первую городскую больницу.

Как только оборвалась последняя фраза, Даша бросилась собираться в больницу. Маму она нашла в реанимации, но к ней не пустили. Прошло немного времени, которое тянулось почти вечность. Вышел усталый пожилой хирург, взглянул на Дашу, виновато подняв взгляд от пола:

– Вы кто этой женщине?

– Дочь...

– Мы сделали все, что могли, но ваша мама умерла. Мужайтесь.

Последнее слово ей особенно запомнилось и еще долго стояло в ушах. А следовавшие несколько дней были, как в тумане, как кино с плохим изображением и звуком, который то куда-то удалялся, то возвращался вновь...

– Мои родители умерли два года назад. Разбились в автокатастрофе, – сказала она и глаза ее наполнились болью.

«Наверное, через пару лет и я так буду вспоминать Машу с Димой, с такой же болью», – мелькнуло в голове у Ивана Травина, а именно так звали Дашиного непрошеного гостя. Они помолчали несколько минут, каждый думая о своей трагедии.

– Так все-таки о вашем горе, Аристарх, хотя, если не хотите, можете не говорить.

– Я допустил одну большую ошибку в жизни и сейчас за это расплачиваюсь, – задумчиво сказал мужчина.

– А как вас по-настоящему зовут, Аристарх?

– Стас. Стас Руков, – в этой ситуации он не решился пока открыть ей свое настоящее имя.

– При других обстоятельствах я бы сказала, что мне очень приятно... А сейчас – не знаю... Наверное, у нас с вами самое необычное знакомство на свете!

Страх, растерянность и злость прошли. Перед ней сидел не бандит, не грабитель, а мужчина со своей болью и, наверное, какой-то ужасной тайной... Мужчина, который нуждается в ее помощи.

– Да, знакомство, ничего не скажешь, экстравагантное, – в тон ей ответил Стас.

– Вы что-то сказали об ошибке? И давай перейдем на «ты», так удобнее.

– На «ты»? Что ж, с удовольствием, хотя, скажу честно, мне нравится называть тебя Дарьей Сергеевной.

– А мне нет.

– Еще не поженились, а уже стали спорить, – сказал он с усмешкой.

– Не хамите, – ответила она скорее по инерции, злости не было, но и достоинство необходимо было сохранять.

– Прости, Даша, это была невинная шутка, отнюдь, не хамство. А об ошибке моей уж очень долго рассказывать или лучше вообще не говорить.

– Слово не воробей, вылетит не поймаешь. К тому же у нас впереди два выходных дня или их не хватит?

– Может, и не хватит, – ответил Стас.

– А ты, Стас, попробуй. Что мы будем делать два дня? Тут со скуки помрешь, если ты раньше меня не застрелишь, конечно, – не удержалась Даша от язвительного тона.

– Ну, допустим, быть застреленной также веселого мало, – сказал он и вздохнул, – я даже не знаю с чего начать.

– Начни с начала, – подсказала хозяйка.

– Я читал в Библии, что вначале сотворил Бог небо и землю.

Даша улыбнулась удачной шутке:

– Это можно опустить. Ты свою историю Расскажи сначала.

– Скажем, у меня была некая сумма денег и я всю жизнь это скрывал. Даже когда женился – по любви женился, – от жены я так же это скрывал. Не то, чтобы я ей не доверял, а больше по привычке. И в этом была моя главная ошибка. Надо было ей все рассказать, и тогда трагедии, возможно, не было бы.

Они некоторое время посидели молча. Даша имела чувство такта и достаточно ума, чтобы не торопить собеседника. А он как бы вернулся в прошлое.

– Как ты думаешь, что в жизни самое страшное? – вдруг спросил Стас.

– Смерть, – ответила Даша.

– Нет. Нет! – он повторил это с нажимом, – Смерть, конечно, страшна своей неизвестностью – что там за последней чертой? Я несколько раз смотрел смерти в глаза, но это не самое страшное, что я встречал в жизни. А вот когда у тебя на глазах погибает четырехлетний любимый сын, – страшной этого я ничего не знаю. Три дня назад его застрелили, я держал его на руках, он не дергался в судорогах, он смотрел на меня доверчиво. Очевидно, он в свои четыре года больше всего доверял именно мне. Он смотрел на меня, а в это время жизнь выходила из него...

Стас замолчал. Даша увидела, что он сжал кулак здоровой руки так, что он побелел от напряжения. Вдруг Руков сжал зубы, желваки заходили под кожей, подбородок его задрожал, а из горла вырвался то ли рык, то ли стон. Но невероятным усилием воли он заставил себя замолчать. Потом как-то обессилел и сник. Даше показалось, что он вдруг постарел лет на десять. Они долго сидели молча. Даша его очень жалела, но облегчить боль не могла.

Наконец, он поднял глаза:

– А что самое ужасное в жизни?

У нее промелькнуло в голове – может, он псих?

– Я не тронулся умом, – в который раз, как бы прочитав ее мысли, сказал Стас.

– Самое ужасное, что во всей этой трагедии замешана Маша – моя жена. И все сходится на том, что она сделала это осознанно. Я ее очень любил, я отказываюсь в это верить, просто сердце с этим не соглашается, но все факты говорят за то, что она сделала это специально. И вот эта ноша в душе, которая тяжелее любого ранения, любого груза на плечах, любой тяжести в ногах, эта ноша сильно меня гнетет. Это и есть самое ужасное в жизни.

– А что, нельзя у нее спросить? – не поняла Даша.

– Она погибла там же, в тот же вечер. Еще во вторник утром я был счастливым семьянином, имевшим любимую жену и замечательного сынишку. А сейчас... Сейчас жизнь потеряла для меня всякий смысл.

– Однако это не мешает тебе вламываться в чужую квартиру и угрожать насилием, наставив пистолет.

– Пистолет я на тебя не наставлял, допустим.

– Но ты готов был убить меня. Не правда ли странно? Ты говоришь, для тебя жизнь теряет смысл, но сам цепляешься за нее и, чтобы ее сохранить, готов убивать...

– За свою жизнь, слава Богу, я никого не убил, а насилие, которым я пригрозил в начале нашей встречи... Так это не убийство, можно заставить человека замолчать не убивая, для этого есть множество способов. Ты, Даша, сгущаешь краски. Почему я еще стремлюсь выжить? Потому что хочу разобраться, что же было в тот страшный вечер на самом деле. Мы прожили с женой пять счастливых лет. Я был счастлив и чувствовал, что счастлива она. Были, конечно, размолвки и недопонимание, но нечасто и недолго.

– А без размолвок и недопонимания нельзя?

– Не знаю, в реальной жизни, я думаю, так не бывает.

– В моей семье, я буду стараться, чтобы этого не было вообще.

– Ну что ж, ловлю тебя на слове, – сказал Стас, лукаво улыбаясь.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда у тебя будет семья, я спрошу у твоего мужа, как ты стараешься, чтобы не было размолвок.

Даша слегка покраснела:

– Не придирайся. Что было дальше?

– У нас родился чудесный сын – Димка, – Даша увидела, что легкая, едва заметная дрожь пробежала по лицу Стаса.

– Мы оба в нем души не чаяли. И если это все было игрой с ее стороны – столько лет и так безукоризненно, то я просто не могу этого принять. Я просто отказываюсь понимать это. Тогда выход только один – расчитаться с жизнью, если она такая жестокая... Но и самоубийство глупо, – добавил он тихо, как бы рассуждая сам с собой.

– Я где-то читал, что любая женщина – актриса. Да и в жизни у меня был случай, уже лет двадцать прошло с той поры, – одна моя знакомая так сыграла роль невинной девочки, что облапошила меня на тысячу еще тех, советских рублей. Это была сплошная импровизация, но сыграно было безукоризненно, я сомневаюсь, что хоть одна профессиональная актриса так смогла бы войти в роль. А позже выяснилось, что та моя знакомая смогла. Я просто снимаю шляпу перед ее талантом.

– Интересно, а какую роль сейчас играю я? – спросила Даша.

Он в ответ пожал плечами, мол, не знаю.

Помолчали.

– Уже поздно, одиннадцать часов. Может, будем ложиться спать? Хоть меня и гложет любопытство, хочется спросить из-за чего весь сыр-бор?

– Из-за денег, – ответил он лаконично. – Ты ложись.

– А ты поставишь кресло у двери и будешь спать всю ночь в прихожей, чтобы я не убежала?

Руков чувствовал себя неловко и не знал, как выйти из глупой ситуации.

– Хорошо, что ты предлагаешь?

– Я предлагаю спать тебе на диване, как все нормальные люди.

Даша удивлялась своему тону. Ведь, в отличие от своей сестры, не любила давить на других людей.

Руков усмехнулся.

– У тебя в голосе слышатся необычные нотки.

– Я никуда не побегу просить помощи и заявлять на тебя в милицию я тоже не буду. Если ты маньяк, заговаривающий девушек и молодых женщин насмерть невероятными историями, то значит моя судьба такая – помереть от этого; но пожалуйста, веди себя по человечески, я тебе не враг и прошу к себе уважения, – она говорила негромко, но четко, а в последней фразе даже послышались легкие нотки обиды.

– Прости, я не хотел тебя обидеть. Попасть к ним в лапы – это просто ужасно. Ты даже не представляешь, как они будут пытаться. Средневековая дыба с хрустом костей, прижиганием и сдиранием кожи покажется детской шалостью по сравнению с их пытками.

– Может, ты хочешь принять душ?

– Я очень, очень хочу в душ – уже четыре дня как не мылся.

– Ты извини, но с переменной одежды ничем не могу помочь – только, женское и 46 размера, – сказала Даша и улыбнулась своей шутке.

– Сменное белье у меня есть.

– Тогда иди в ванную, вот тапочки, халат и полотенце.

Стас зашел в спальню, там на полу под шкафом лежала довольно объемная сумка. Нагнувшись, он вытащил рубашку, футболку, белье – все было сложено, как в магазине.

– Я купил пять перемен одежды и пользуюсь этим по мере надобности.

– Как я поняла, за тобой охотятся серьезные люди, – без перехода сказала Даша.

– Люди весьма серьезные и с практически неограниченными возможностями. Могут задействовать и силовые органы, чтобы меня обнаружить.

– И нашу новополицкую милицию?

– Нет, конечно. Но больницы и гостиницы Новополицка наверняка проверили.

Он зашел в ванную, достал пистолет, положил на полочку под зеркалом.

– Зачем он тебе в ванной?

– Надеюсь при случае успеть поставить логическую точку.

Стас закрыл дверь и повернул щеколду.

Когда он, помывшись, вышел, его уже ждала застланная постель на диване. Перевязку пришлось сменить, так как бинты намокли.

– Спокойной ночи, – сказал он.

– Спокойной ночи, – ответила Даша и выключила в зале свет.

Приняв душ и накинув халат, она заглянула в зал. Свет падал из прихожей, и в полутьме было видно, что Стас уже спит. Она постояла, посмотрела – иногда он нервно вздрагивал. Дверь в зал Даша закрывать не стала, просто выключила в прихожей свет и пошла в спальню.

Уже лежа под одеялом, она подумала о том, что как странно устроена жизнь. Добираясь с работы домой, она и представить не могла, что и кто ждет ее дома. Вспомнила, как сначала испугалась, как хотелось вырваться из западни. А сейчас даже ей самой были не понятны ее чувства к Стасу и к ситуации, в которой они оба оказались, к его рассказу, хотя он и был отрывочным и неполным. С этими мыслями она и задремала.

Ей снился очень красивый лес, она шла по нему и вышла на поляну, всю устланную цветами. Вдруг по поляне мелькнула тень, и кто-то темный скрылся за деревьями. Затем она услышала какие-то крики. Испугалась. И проснулась... Из зала доносился негромкий стон. Затем она отчетливо услышала: «Маша, Маша – беги. Дима, Дима, ну что ты, Дима!..» И опять послышался стон. Даша встала, накинула халат, в прихожей включила свет и заглянула в зал. Руков метался по подушке, лицо его было в поту. Она аккуратно положила ему руку на лоб. Он был горячим, но как только ее рука коснулась лба, Стас стал затихать и только всхлипывал, как ребенок, потом совсем затих. Даша постояла над ним, глянула на часы, в полутьме они светились и показывали 1.20. Постояв еще немного и убедившись, что Руков ровно дышит, она пошла в спальню и легла в постель.

«Кто он? – думала Даша, борясь с дремотой. – Из-за каких денег вся эта заваруха в его жизни, и кто за ним охотится? По его глазам и поведению было видно, что он говорит правду. Что он там говорил о женщинах? Что все актрисы, может быть, у мужчин с этим хуже, – думала Даша, – как бы он ни старался, как бы ни играл, глаза и губы его выдали бы. Да простят меня все обманутые девушки и женщины, но в подавляющем большинстве случаев их обманули тогда, когда они, пьянея от чувств, сами желали этого обмана. Хорошо, что ни одна знакомая не слышит этих моих мыслей, а то бы досталось мне на орехи».

Мысли текли все медленнее и медленнее. Во сне ей виделся все тот же лес и она по нему шла. Деревья расступились, и она увидела синее-синее озеро. Она пошла к нему – так ее манила эта синь. Но опять тень мелькнула, и что-то темное плюхнулось в воду. Даша проснулась. Из зала опять доносились звуки. Включив свет в прихожей, она заглянула в полуосвещенный зал. Голова Стаса металась по подушке, он был весь в поту и стонал. Потом вскрикнул: «Маша! Маша!» И опять стон. «Странно, – подумала Даша, – он во сне зовет другую женщину, уже мертвую, но в его бреде она еще жива». И как подтверждение ее мысли, она услышала его крик: «Беги! Беги!». «А забота о нем ложится на меня». Если бы ее сейчас попросили описать свои чувства к нему, она бы не смогла этого сделать. В душе у нее был какой-то коктейль чувств. Главным составляющим его, конечно, была жалость, но было немного и нежности и тоски, и еще чего-то щемящего, чему люди не дали определения. Она опять положила ему руку на лоб, Стас, перестав метаться, постепенно утих. Убедившись, что он задышал ровно, она вернулась

в спальню. Часы показывали половина третьего. За ночь она вставала еще два раза. Последний раз было около пяти часов утра. И каждый раз ее ладонь на его лбу оказывала успокаивающее действие. Этот Стас, такой беспомощный и беззащитный, был ей ближе и родней, чем тот уверенный, предусмотрительный, аккуратный и сильный, проникший неизвестно как в ее квартиру.

Пришел новый день. Солнце еще не встало, но уже рассвело. Даша глянула на часы – начало восьмого. Чувствовала она себя достаточно бодро, хотя и пришлось четыре раза подниматься ночью. Одевшись, умывшись и прибрав постель в спальне, она заглянула в зал. Стас еще спал. Зайдя в ванную, слегка подкрасившись, она пошла на кухню приготовить завтрак. Сказать, что она любила готовить – нет, но умела, конечно. Мама часто говорила: «Учись готовить или муж любить не будет». Мама ей доверяла готовку нечасто. Зоя освоилась на кухне быстрее ее. Научилась отменно готовить первые блюда. Гена – ее муж – иногда шутил, что умение отлично готовить борщ в первую очередь и покорило его, а потом все остальное. Когда она уехала в Минск учиться, Даша активней стала приобщаться к этому таинству – готовке. Ей больше всего нравилось делать салаты. Но мама не отставала: «Если мужу будешь готовить одни салаты – уйдет к другой, которая его мясом жареным накормит». Даша всегда смеялась, слушая мамины замечания. «Мама, мама, сколько ты дала теплоты, добра и нежности!» В детстве ей казалось, что ни у кого из подруг нет такой замечательной мамы. Взрослея и слушая своих подруг, как они хвалят своих мам, она поняла, что для любого ребенка его мама самая лучшая. Сейчас она понимает, что это знает любой взрослый, а тогда в ее восемь лет это было открытие. Конечно, она любила и своего немногословного папу.

Сейчас, готовя завтрак, она изо всех сил старалась, чтобы он получился вкусным и чтобы Стас ее похвалил. Она сама себя в шутку спрашивала: «Что с тобой? Что ты так стараешься? Уж не заболела ли?». Ей было и смешно, и весело.

– Доброе утро, – поздоровался Стас, показавшись в дверях кухни.

– Доброе, сейчас завтракать будем, – сказала Даша, стараясь скрыть веселые нотки в голосе.

В общем завтрак был готов. Она выключила газовую плиту. Осталось только сервировать стол. Когда Стас вышел из ванной, Даша сказала ему:

– Я включила телефон, вдруг кто-то из знакомых позвонит.

– Ты правильно поступила, молодец.

Не успели они сесть за стол, как резко зазвонил телефон. Даша взяла трубку, звонила ее приятельница Лиля.

– Привет, Дашка!

Дашу всегда раздражало, когда она так к ней обращалась. Знала это и Лиля, но сейчас, видно, просто не удержалась от волнения.

– Здравствуй, Лиля, – довольно сдержанно поздоровалась Даша.

– Где ты пропала? Вчера три раза звонила тебе на мобильник и все «вне зоны доступа». Пришла домой из клуба, позвонила на домашний телефон и также никакого ответа. Что случилось?

– Да ничего не случилось, все нормально, просто домашний не работал, наверное, что-то на линии, а мобильник разрядился, сейчас поставлю на зарядку. У тебя все хорошо?

– У меня-то хорошо, а ты как?

– И у меня хорошо, просто вчера довольно рано уснула и забыла проверить мобильник.

– Так ты сама уснула или с кем-то?

Лиля, всегда бойкая и жизнерадостная, жалела Дашу, что та до сих пор не замужем и, по ее мнению, в перспективе ничего Даши не светило. Поэтому при случае она всегда подтрунивала над ней. Вот и сейчас, уверенная, что Даша дома одна, все равно спрашивала с издев-

кой. Сама-то она была замужем уже дважды, – от первого брака осталось живое напоминание – семилетняя дочка Аня.

– Да ну тебя, – как обычно сказала Даша.

– Не горюй, Дарья, мужика мы тебе найдем. Пусть как мужик никакой, зато работающий! Ха-ха-ха, – засмеялась она в трубку, – ну ладно, не сучай. Пока. И положила трубку.

Стас внимательно слушал ее телефонный разговор. Настороженности не было в его взгляде, но внимание присутствовало.

– Это кто звонил?

– Одна знакомая – Лиля. По мобильному мне вчера звонила три раза, не могла дозвониться. Уже стала беспокоиться.

Стас достал ее мобильный и включил. Высветилось пять пропущенных вызовов. Он вернул телефон Даше. Она заглянула в список вызовов: три Лилиных, один Веры и один вроде бы незнакомый.

– Ладно, дела делами, а завтрак завтраком. Прошу к столу, – пригласила Даша Стаса, подражая его интонации.

– С удовольствием, – ответил он.

Руков попробовал завтрак:

– У... да, вкусно! Молодец.

Даша слегка покраснела от удовольствия.

– Кофе?

– Нет, чай. Лучше черный.

– Ты же вчера просил зеленый.

– По утрам я пью черный, а днем и вечером – зеленый. Кофе употребляю между приемами пищи.

– Ты всегда такой педантичный?

– Это привычки, которые я себе завел, что в этом плохого?

– Да, в общем, ничего.

– Слушай, а сколько у тебя халатов? Вчера ты мне дала один, сама была в другом, а позавчера в третьем? – спросил он с легкой иронией.

– Вообще-то, это комплект турецких халатов из четырех штук. Погоди, а откуда ты знаешь, в каком халате я была позавчера? – в ее тоне слышались недоумение и возмущение одновременно.

– Как ты думаешь, почему я выбрал именно твою квартиру?

– Ты наблюдал за мной? Но откуда?! Я всегда считала пятый этаж довольно безопасным в смысле подглядывания, тем более, что рядом с домом растет высокий тополь, и ветки закрывают окно, хотя сейчас на них листьев нет.

– Я смотрел в подзорную трубу с чердачного этажа, вон оттуда, – и Стас показал пальцем на небольшое окно на чердаке напротив стоящей девятиэтажки.

– Так значит, ты наблюдал за мной, а я позавчера принимала ванну и, выйдя из нее, ходила по квартире совсем... – она посмотрела на Рукова и уже не слегка, а сильно покраснела, но не от удовольствия, а от стыда и негодования.

– Видишь ли, Даша, я рассматривал не только твою квартиру, а несколько – я искал одинокого человека. В чем ты ходила, кроме халата, я не видел, – сказал он, слегка улыбнувшись.

– Так ведь в двадцать пятой квартире живет бабулька, и окна у нее также на эту сторону. Мужчина – ему где-то пятьдесят лет – живет один в сорок первой квартире, а окна тоже сюда выходят. Потом еще...

– Бабулька мне не подходит, и не потому, что она не такая красивая, как ты, а по той причине, что попробуй я к ней вломиться, то у нее случился бы инфаркт. А я никого никогда не убивал и до смерти не пугал.

– Ну, а мужчина, кажется, его зовут Виктор Иванович, он не так давно переехал, кажется года два назад.

– Мужчина пробовал бы освободиться, я бы не смог его контролировать не связав.

– Так ты, вламываясь ко мне, рассчитывал на свое обаяние?

– Скорее – на твое сострадание. Кстати, как я спал? Я две ночи провел на чердаках, но тогда пил снотворное, чтобы не шуметь во сне, а вчера не выпил... – и он посмотрел на Дашу вопросительно. – Если я доставил тебе хлопоты ночью, то извини, пожалуйста.

– Все хорошо. Ты спал нормально.

– Итак, мы позавтракали – пора приступать к рассказу, – стала настаивать Даша.

– Не скажу, что это мне доставляет удовольствие, но я готов, – ответил Стас.

– Откуда у тебя деньги, за которыми охотятся эти серьезные люди?

– Мне следовало рассказать о них Маше еще пять лет назад.

– А вообще их много, твоих денег?

– Ты так живо ими интересуешься, что у меня возникает подозрение – уж не за одно ли ты с моими преследователями? – он усмехнулся. – А-а-а?

– Конечно заодно, и сейчас я перегрызу тебе горло, – в тон Рукову сказала Даша.

– Давай представим, что я маленький червячок и у меня есть яблоко, – Стас взял из вазы на журнальном столике довольно крупное яблоко. Посмотрел на него. – Вот именно это яблоко. Его мне хватит на всю жизнь и еще очень много останется. Но есть люди, которые считают, что у меня огромная корзина таких яблок и они хотят их забрать.

Стас говорил медленно, обдумывая каждую фразу.

– Стало быть, если им сказать, что у тебя только одно яблоко, то они от тебя отстанут? – предположила Даша.

– Вряд ли. Но из-за такой мелочи, по их понятиям, которая находится у меня, они не стали бы мारаться. Все-таки они, хоть и косвенно, но светятся в этом деле. Да, выполняют работу наемники, рядовые исполнители, и их, как правило, после всего зачищают, но ниточка все равно тянется. Ну, а так как они уже влезли в это дело, то их уже не остановить. Да и как их убедить, что у меня только одно яблоко? Кто мне поверит? Будут пытаться. Вот это и страшно.

– А кто эти люди?

– Тех, кто на верху, я не знаю, но мне известно, кто навел их на меня. Но раз они так спланировали операцию, в которой активно участвовал ОМОН, то очевидно, что верховодит всем кто-то из руководителей силовых структур. Понимаешь, я для них лакомый кусочек. Так как я сам по себе, за мной никто не стоит, никто меня не крышует.

– Как интересно! – вставила реплику Даша.

– Ну и что здесь интересного? – не понял Руков.

– Ну как же: ОМОН, перестрелка, деньги и все такое...

– Ну ОМОН в перестрелке не участвовал, допустим, – опять на Стаса наплыли воспоминания, он на глазах помрачнел.

– А у тебя есть друзья в Москве? – спросила Даша, чтобы отвлечь его от воспоминаний о трагедии.

– Друзей в Москве у меня нет. Есть приятели, есть хорошие приятели, но вот друзей нет. Ремарк, кажется, писал в «Трех товарищах», что настоящие друзья у человека могут появиться до двадцати лет. Когда он еще юн, где-то наивен, как правило, максималист ну и так далее. Я думаю, ты меня понимаешь? – он вопросительно взглянул на нее.

Даша кивнула в знак согласия.

– В юности у меня были друзья, но с ними я давно не виделся.

Повисла небольшая пауза. Стас вспомнил:

– Надо сделать перевязку.

Пока они занимались медициной, молчали. Рана стала затягиваться и начала чесаться – признак того, что скоро заживет.

Стас задумался: «Что это я, как на исповеди, разболтался, хотя, конечно, легче становится. Увидимся ли мы когда-нибудь с Дашей – неизвестно. Красивая женщина, но какая-то неприступная... Может она монашка или уже игуменья?» – он улыбнулся своей мысленной шутке.

– Ты чему улыбаешься? – спросила Даша, завязывая концы бинта.

Она чувствовала, что невидимая нить, вдруг связавшая ее и Стаса, крепнет, и поэтому тоже улыбнулась.

– Я так, своим мыслям, а ты чего улыбаешься? – спросил Стас.

– А я – своим.

– Может, мы думаем об одном и том же? – пошутил Стас.

– Все может быть, – поддержала его Даша.

– А чем мы будем еще заниматься, кроме взаимных исповедей? – спросила Даша.

Она готова была и дальше слушать Стаса, потому что чувствовала, что он не врёт, и что самые интересные эпизоды своей жизни Руков еще не рассказал. Да, ей хотелось узнать про него как можно больше.

– Ну, допустим, исповедуюсь только я один, ты же больше расспрашиваешь, – заметил Стас.

– А ты хотел бы послушать обо мне?

– А почему бы и нет? О себе я уже все сообщил, теперь ты расскажи о себе.

– Ну, допустим, о себе ты рассказал далеко не все, – копируя его манеру говорить, сказала Даша (Стас при этом усмехнулся). – Но в принципе, я готова рассказать о себе.

Тут зазвонил телефон. Даша прошла из зала в прихожую, Стас остался сидеть в кресле.

«Слава Богу, начал, кажется, доверять», – мелькнуло в голове у Даши.

– Да, – сказала она, подняв трубку телефона.

Звонила подруга Люба.

– Привет, Даша, чем занимаешься?

– Да так, ничем особенным: позавтракала, прибираюсь в квартире.

– Может, завтра на богослужение съездим? Мне звонила Лена, приглашала.

Любина приятельница ходила в пятидесятническую церковь. Люба и Лена подружились еще в школе, были одноклассницами. После школы их дороги разошлись: Люба поехала учиться в Минск, а Лена осталась в Новополоцке. Как-то на втором курсе, когда Люба приехала на зимние каникулы, мама сообщила ей, что Лену затащили в какую-то секту, мол, ты хоть будь осторожней. Люба встретилась с Леной, поговорили сначала о том о сём, затем Люба, набравшись смелости, спросила у подруги:

– Так в какую ты секту попала?

– Не в секту, а в пятидесятническую общину. И не попала, а меня туда направил Господь, Он мне открыл как бы новую жизнь.

– Но зачем тебе это, Лена? Ну, хочешь ты с Господом общаться, так иди в настоящую церковь. Родители твои сильно переживают за тебя.

– Лично я и хожу в самую настоящую церковь...

Так они тогда ни до чего и не договорились. Из-за того что разъехались и у каждой появились свои интересы, видаться стали реже, только иногда перезванивались.

Но с полгода назад у Любы начались серьезные проблемы на работе и к тому же не заладилась семейная жизнь: ее брак медленно, но уверенно подходил к черте распада. Случайно узнав о Любиных проблемах, Лена предложила ей сходить в церковь помолиться и попросить церковь помолиться за нее. Пойти туда одной Любе было боязно, поэтому попросила Дашу

сопровождать ее. Так они три воскресенья подряд посещали богослужения, где пастор с церковью молились за Любу. Не сказать, что все решилось легко и сразу, но на работе стало поспокойней: то ли время прошло и страсти стали стихать, то ли Бог на самом деле вмешался... Хотя с мужем отношения лучше не стали.

– Завтра не могу, я занята, ты сходи сама, а на неделе встретимся, и ты мне все расскажешь, – предложила Даша.

– Чем это ты занята, если не секрет? – спросила Люба.

– Да так... – Даша стала подыскивать правдоподобную версию, – с работы взяла документы, необходимо их проверить, – сказала первое, что пришло ей в голову.

Даша работала одним из семи бухгалтеров на своем предприятии. Она и вправду так иногда поступала: брала, конечно, копии, изучала их, сравнивала, пересчитывала. Жаль было личного времени, зато на работе не нужно было бегать как угорелой, нервничать. Люба знала, что иногда Даша работает на дому, поэтому ответ ее удовлетворил.

– Ладно, работай, а я, может, пойду, а, может, не пойду – еще не решила. Ладно, созвонимся завтра или послезавтра. Пока!

Даша положила трубку. Войдя в зал и встретив вопросительный взгляд Стаса, сказала:

– Звонила Люба – подруга. Звала на пятидесятническое богослужение.

– Куда?!

– Ну, на собрание к пятидесятникам. Мы там уже три раза были.

– И что, понравилось?

– Да как сказать... Мне, например, больше нравятся проповеди, а Любе пение, особенно хоровое. Очень не понятно когда молятся – как-то все сразу.

– И ты молилась? – спросил Стас.

Иронии в его голосе Даша не уловила, заинтересованности тоже не было, больше слышалось удивление.

– Молилась. У меня бабушка православная была, жила в деревне. И когда мы приезжали погостить у нее, она мне говорила о Боге, называла Его – Боженька. Она научила меня молитве «Отче Наш»

– Так ты веришь в Бога?

– Наверное, верю, но как-то меня это сильно не касается. Я соглашаюсь с Его существованием. Когда погибли мои родители, я молилась Ему и спрашивала: «Почему, Ты, так поступил?»

– И был ответ? – Стас спрашивал без иронии, просто из природной любознательности, сам он в Бога не верил.

Тот колоссальный поток разнообразной информации о сверхъестественном, который обрушился на людей перед самым распадом Союза и после, вызвал в душе Стаса неприятие всего мистического. Если в это все вникать, голова пойдет кругом. Для себя Стас решил, что, вероятно, нечто сверхъестественное есть. Но какое оно сверхъестественное – никто не знает, никто его не видел, поэтому и голову забивать этим нечего. Но сейчас был реальный, причем неискушенный, человек, который мог сообщить что-то определенное по этой теме.

– Как тебе сказать, когда я обращалась к Богу, то я чувствовала, что нечто или некто меня касается, как бы успокаивает. И ты знаешь, хоть и немного, но становилось легче. Вот, собственно, и весь мой опыт.

– Но ты трижды была на собраниях баптистов...

– Пятидесятников.

– А какая разница?

Даша пожала плечами.

– Не знаю, но к Богу надо в любом случае относиться уважительно. Пастор рассказывал про одного еврейского мальчика. Когда в советское время учили атеизму, в одной школе

учительница, которая вела урок, сказала детям: «Бога нет, и давайте, чтоб убедиться в этом, покажем в небо фиги, и вы увидите, что ничего не произойдет, никто нас не накажет, потому что Бога нет!» На это один еврейский мальчик заметил: «Если Бога нет, то кому мы будем показывать фиги, а если Он есть, то зачем портить с Ним отношения?»

– Разумный ответ, – у Стаса был ум аналитического склада, и все, что поддавалось логике, просчету и здравому смыслу его привлекало. Поэтому он не верил в Бога, ему это казалось за пределами здравого смысла – просто верь и все. А в словах еврейского мальчика определено был здравый смысл.

– И что ты ответила подруге?

– Я ей сказала, что завтра занята, необходимо поработать с документами.

– То есть ты обманула ее?

– А что мне оставалось делать? Или ты согласен меня отпустить и скучать здесь в одиночестве?

– Мне с умным человеком никогда не скучно, – пошутил Стас, и Даша улыбнулась. – Но ты права, пока я в твоей квартире, тебе надо находиться рядом.

– Не доверяешь.

– Доверяю, но слишком много поставлено на кон: моя жизнь, да и не только жизнь. А ты еще не искушена в таких делах... – и тут Стас резко изменил тему разговора: – Уже время готовить обед. Поможешь мне сделать перевязку?

– Да, конечно. Тольконими футболку, а то рукав откатывается и мешает.

– Чего хочет женщина, того хочет Бог, – и он снял рубашку, Даша заметила, что пистолета за поясом уже не было, затем он осторожно снял футболку. Тело у Стаса было смуглое, легкий слой подкожного жира покрывал когда-то тренированные мышцы, хотя по движениям чувствовалось, что он своим телом владеет хорошо.

– А сколько ты раз подтянешься на перекладине? – неожиданно для себя спросила Даша.

– Если бы рука была здорова, то раз пятнадцать подтянулся бы, а сейчас – даже не знаю...

– Для твоих тридцати пяти – это, ой, как неплохо.

– Неплохо, но только для тридцати девяти.

– Тогда ой-ой, как неплохо!

Оба рассмеялись. Рана уже стала покрываться корочкой.

– А где твой пистолет, Стас?

– Я положил его в зале на полку, за книги.

– Ясно. Слушай, я схожу в магазин, куплю овощей, а то мяса и хлеба с рыбой ты накупил, а овощей нет. А я люблю салаты.

– А магазин далеко?

– Да нет, тут за углом, минут пять ходьбы, – она глянула на него вопросительно, предполагая, что это снимет его вдруг возникшие подозрения.

– Хорошо, иди, через двадцать минут я тебя жду. Деньги тебе дать?

– Мы еще не муж и жена, а я у тебя уже на все разрешения спрашиваю, и ты даже деньги мне на продукты предлагаешь.

Они оба улыбнулись шутке. Одевшись, Даша сказала:

– Ладно, я пошла, денег у меня, слава Богу, хватает.

Стас, стоя за тюлевой занавеской, наблюдал, за Дашей, которая пересекала двор. Да, квартира действительно расположена удачно: и подъезды видны, и два входа во двор с противоположной стороны. Но самая большая удача была в самой хозяйке квартиры. Ему выпал шанс, один из пятидесяти, а может даже из ста. То, что она одна живет в квартире, Стас понял еще позавчера, когда наблюдал за ней в подзорную трубу. Дождавшись когда Даша ушла на работу, он с помощью отмычек проник к ней домой, осмотрел квартиру, изучил Дашины документы.

Как он и предполагал, она оказалась порядочной, – такая его не сдаст. Это подтвердилось и в процессе общения с ней.

«Бедная девочка, ты даже не представляешь, какую угрозу я принес в твой дом!» – думал Стас, продолжая наблюдать через окно. Ведь за ним действительно охотились очень серьезные особы. Он вспомнил Машу и снова сердце защемило. Рисковать Дашей он не имеет права. Что-то она задерживается, уже двадцать пять минут прошло... Вот уже полчаса прошло. Неужели она могла его?.. Он не успел додумать мысль, как Даша вышла из-за угла, с ней был мужчина в кожаной куртке, выше Даши почти на голову. И это голова была одета в нелепую вязаную шапочку.

«Странный прикид, – подумал Стас. – Это что план по моему задержанию – сначала удивить и рассмешить, а потом схватить?»

Даша с мужчиной остановились посреди двора и о чем-то говорили. При этом он сильно жестикулировал. Стас быстро прошел в зал, достал пистолет из тайника и засунул его себе сзади за пояс. Когда Руков вновь посмотрел в окно, они все так же продолжали разговаривать.

«Сейчас трудней будет застрелиться, чем день назад, – подумал Стас, – Даша немного залечила душевную рану – гораздо лучше, чем чудо-мазь рану на руке».

Наконец, мужчина махнул рукой, и Рукову показалось, что он хочет толкнуть Дашу, но тот резко повернулся и пошел прочь. Все это время Стас смотрел не столько на них, сколько осматривал территорию двора и подходы к подъезду. Но никакого подозрительного движения не было видно, все было тихо. Он всматривался во двор, пока не щелкнул замок, и в прихожую не вошла Даша.

– Заждался? – спросила она.

– Не то слово, – сказал Стас.

Он помог Даше раздеться, а сам прислушивался к любому шороху, что раздавался в подъезде. Даша заметила, что пистолет опять за поясом у Стаса.

– Понимаешь, этот Игорь прицепился как на зло. Я от него пыталась отвязаться и так и эдак, а он прилип – и все тут. Хорошо, хоть сообразила довести его до середины двора, чтобы ты увидел нас и не так волновался, – она указала на пистолет.

– Заволнуешься тут, – и он взял пакет, который принесла Даша, и понес на кухню. Поставил на стол, а сам еще раз внимательно осмотрел двор.

– Что ты все выглядываешь в окно? – спросила Даша и вдруг осеклась – она поняла, почему Стас так пристально наблюдает за двором.

– Не доверяешь? – только и смогла произнести она. Слезы душили ее, и Даша убежала в спальню. Стас пошел за ней.

– Дарья Сергеевна, посмотрите на это с другой стороны. Когда вас не было, я подумал, что мне сейчас будет гораздо труднее решиться себя застрелить, чем вчера. Вы возвращаете меня к жизни, воскрешаете желание жить. Наверное, из вас получился бы незаурядный психотерапевт.

– Почему так официально? – буркнула Даша, вытирая слезы.

– Это не официальность, а безмерно глубокое уважение, – сказал Стас, слегка прижав руку к груди.

– Ладно, подлиза, пошли готовить обед, – смиловилась Даша.

– А мое присутствие на кухне обязательно?

– Не обязательно, но крайне желательно. Да и тебе спокойней будет, – уколола она его.

– Я тебе, Даша, доверяю, но ты в этих делах очень неискушенная, а операцию по моему задержанию можно провести, используя тебя вслепую.

– Что это значит? – спросила она, выкладывая из пакета продукты.

– Ты не будешь даже об этом знать. Впрочем, если это были действительно они, то наверняка бы уже были здесь. А кто этот парень? – спросил Стас без перехода.

– Это долгая история.

– А мы куда-то торопимся?

Даша промолчала, но вопрос повис в воздухе и нуждался в ответе.

– Его зовут Игорь. Он был моим первым парнем, – она глянула на Рукова, который в это время слегка нагнул голову и одновременно приподнял брови, – как бы говоря: та-а-а-к.

– Ты не подумай, интима у нас не было.

– А разве важно, что я подумаю?

– Важно, – ответила она коротко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.